

В ТЕАТРЕ ПЕРВЫЕ ДНИ...

Я ШЕЛ быслком утром. Это было какое-то новое утро. Черную осеннюю землю покрывало первым снегом, и Москва словно заневолилась под снежной фантой. И воздух словно похолодел от мороза. А птицы стали летать по небу по строгим орбитам и прыгать по промерзшим тротуарам бодячей. И прохожие поглядывали весело на ранний снег и с удовольствием объясняли мне, как пролетят от метро «Водный стадион» и ЦГАЛИ — Центральному государственному архиву литературы и искусства СССР.

И вот я уже вижу это красивое здание, но не спешу войти... Сейчас я вижу мой кабинет, но не спешу войти в маленький зал в читальном зале ЦГАЛИ, на котором будут лежать документы того грозного Времени.

Посидеть бы на скамеечке, покурить, спокойно подумать. Скамеечки лигиде не видно. Хожу по тротуарам по незнакомым дворам. Ну, конечно, словно не решаюсь приступить к заданию редакции: познакомиться с документами об искусстве в первые послеоктябрьские дни.

Но какое же искусство 26 октября? Или же ли покаяние? Да и в декабре? Да и в первые месяцы 1918 года? Все ли в ночь с 25 на 26 октября 1917 года да понимали, что являются участниками или хотя бы свидетелями Великой Революции? Или же ли понимали, что эту ночь свершилось начало новой эры?

Даже многие мудрецы, лучшие из интеллигенции шли через революцию как бы на ошупь, приглядываясь, внимая. Все же не будучи контрреволюционерами, мещанинами, входили в революцию. Это не мое сегодняшнее прегнетия, это мое сегодняшнее стремление понять.

Позже я прочитал в записках Александра Серрафиновича...

«22 декабря 1920 года. ...Ленин, Троцкий, немножко нудножко. Слегка криповатый, картавый голос и странно убедительный и обязательный. И в этой картости странный артистизм».

Денюшки и мещанины... «двигатель» ставился в существительных. Некоторая гортанность голоса тоже. Прижидание на убеждение. Голос как будто и не особенный громкий и не напряженный, в слышно в самых дальних углах, и интонация живая, но услыхивая напряжением, услыхивая».

Вы читаете в слова Серрафиновича, уже известного к тому времени писателя. Какое тщательное вникание в образ, в облик волея. Слово по знакомится, уже верит, но не хочет пойти дальше, не желает задаточная фраза: «Прижидание на убеждение». А все ли слова в ней точны? А накова ее интонация? Впрочем, это стало ясно из последующих романов писателя.

Мы Б С ВАМИ задержались, бродя по переулкам вокруг ЦГАЛИ. Войдем. Вот маленький столик. Вот аппарат для прочтения документов. А вот и документы.

Президенту Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Октябрьской общегородской Петроградской конференции Пролетарских культурно-просветительских организаций выдана следующая резолюция Петроградского пролетариата после овладения искусством и знаменем и создания классовой пролетарской культуры.

Личия в жизнь конференции учрежден Центральный Комитет Пролетарских культурно-просветительских организаций.

«Народный театр—театр, для народа всесторонне и широко доступный, чтобы потом стать театром из народа путем пробуждения самостоятельности широких масс».

И огромная, уже ветхая афиша Пролеткульта с адресом: Петроград, Фонтанка, Чернышевская площадь, дом Комиссарията по народному просвещению.

Мы с вами в архиве, и нам интересно первое тактовое документу как такового. Но еще более нам интересны свидетельства о самих днях революции.

И здесь я затрудняюсь, с чего начать. Свидетельства не равнозначны ни по количеству, ни по пониманию происходящего. Начнем, пожалуй, «помятче»: Леонид Витальевич Собинов.

«8 дни Октябрьской революции я был в отпуску в Петрограде и вернулся в Москву, лишь только восстановилось сообщение с Москвою. События да судьба Большого театра, половина стволков которой была уничтожена артиллерийским громом. Мы быстро организовали вставку стволков, объединившись с Малым и Художественным театрами в лице А. И. Юженина, К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. В газетах мы поместили объявление об отскелении всех театров в одно определенное число. Жизнь театров возобновилась, но артисты заняли выжидательное положение по отношению к новой власти, которая, между прочим, предложила мне официально оставаться на своем посту впрядь до особого распоряжения. Затем я вернулся в Петроград... Я явился в Москву, чтобы мой заместитель тов. Юженин, К. С. Станиславский в Большой театре совет — первый совет, который вскоре и стал центральным органом управления Большим театром и приходу туда Е. К. Мелинкова».

«Леонид Витальевич, человек общечеловеческого, благородный и гуманный, с полной естественностью принял революцию, хотя и склеивил некоторая растерянность... Да и озабоченность на уровне «битых стволков». Но зато в этот ему как директору очень трудно пришлось».

А, собственно, каким репертуаром встречать революцию? «Единственной новой постановкой сезона (1918 год) осталась опера «Самсон и Давид».

«Смирная записки корифея: «Для постановки оперы «Ердак» учред. Н. Шаляпина просит дать художника не из крайних направлений».

Но вернемся в дни Октябрьской. Заботы Леонида Витальевича Собинова по поводу выбитых «артиллерийским громом» стволков были не самые трудные.

«В Московском Художественном театре неукоснительно июль дня в день велся «Дневник дискуссии членов товарищества МХТ». 28 октября дежурил Иван Михайлович Москвитин. Вот его записки: «11 ч. 40 м. утра. В кассе идет (новая) продажа (сегодня суббота), в вестибюле публично много. Все кассирши на местах. На улице палуба — пугает, кажется, что стреляют из орудий. В лазаретах (в доме Ляновского) суята. Поминутно кризуют раненых. Телефоны не работают».

«12 ч. Владимир Иванов сочувствует отменить спектакли. В театр часто звонят, из театра звонить нельзя. Палуба продолжается».

«12 ч. 20 м. Подъехал грузовой автомобиль — раненых много».

«Мы углуб Гаванского и Тварского, где идет новая стройка, говорит, зашли кинера, и их будут брать приступом. Раненых носат и на руках».

В. И. Немирович-Данченко решительно за отмену спектакля сегодня, но рассчитываем, что завтра и послезавтра можно будет играть».

«1 ч. 15 мин. Из Облостокского госпиталю обратилось с просьбой пустить в театр отряд санитаров для отдыха и организации. В 1 ч. 20 мин. я отбыл в Белэтаже занять студентами и сестрами милосердия. Палуба продолжается».

«Решили оставить в театре на дежурство четырех сторожей, но только хлеба. Хлеб доставили. На углу Кузнецкого в Б. Дмитровка убили мальчье десяти лет, он хотел перебежать черва улицу».

«Описав эту в дневнике длинную, я думал ее докончить. И потом долго не приступил к дальнейшим документам. Уж немало я прочитал на своем веку о Днях Революции. Но когда вот так — рукою, из первых рук, да еще Ивана Михайловича Москвитина, человека великой гражданственности и мужества Достаточно вспомнить его поведение на другом трагичном переломе в судьбе Родины — в 1941 году. Это человек стойких гражданских качеств. И его запись в этом же дневнике: «3 ноября. 14 ч. 15 м. Был знакомы И. Москвитин». Вот ведь она, величайшая пьеса. Писался МХАТОМ или для МХАТА. Да что же они потом не погалялись превратить этот дневник в пьесу? Это была бы великая работа».

«Нет, «завтра» и послезавтра» они спектакля не возобновили».

«21 ноября. Первый день спектакля после Октябрьской революции... Мы думали о спектакле, проданных до революции. Билеты были тогда все проданы. Публике было предоставлено право получить деньги обратно. Однако сегодня и утром, и вечером («сияя птица» и «три сестры») сборы совсем плохи».

«Репутация МХТ — выразитель прогрессивных чаяний — выдержала испытание. Уже 31 декабря общее собрание товарищества МХТ сполноно и по-деловому обсуждало стелющиеся проблемы».

«Очень интересная сначала постановка оперы «Млада» затем была запрещена Комиссариятом за отсутствием средств». Иши средства.

«Смирная записки корифея: «Для постановки оперы «Ердак» учред. Н. Шаляпина просит дать художника не из крайних направлений».

«Нам сейчас, возможно, не очень приглянулось слово «халтура», хотя намечается. Но сказано это было уже 13 января 1919 года. Да уже!».

«Это очень четко изложил Немирович-Данченко: «...Нарянул Октябрь. Все завертелось в вихре беспощадной критики старого и неинтересного, а также и нового. Бурный вихрь мог свалить и не такой дух, как МХТ, еще его спасли, во-первых, его еще очень крепкие художественные силы, во-вторых, му-

рость революционных вожаков, заботившихся о сохранении истинных ценностей, и, в-третьих — что особенно замечательно — глубинное содержание самой революции».

«Не вжидкому надо заглянуть в глубь. Была ли императорская цензура? Император да себя амбициозно. (Об этом можно судить по документам из Ленинградского государственного театрального музея). 25 октября 1917 года театр безмятежно разыграл на сцене мелодраму «Флавия Тессини». Но мелодрама надуманных героев уже наутро сменилась драмой группы, актеры не справились с «репертуаром», который называется «жизнь».

«Из протокола общего собрания артистов русской драматической труппы государственных петроградских театров. 28 октября 1917 г.»

«Присутствовали 51 член труппы из 81 наличного состава».

«Управляющим труппой было оглашено приложенное в копии при настоящем протоколе, полученное от комиссара Военно-революционного комитета государственных и частных театров предписание».

«По существу полученного предписания высказались следующие ораторы...».

«Не знаю, кто о чем промолчал, но «ораторы» были немудры. И далеко не все поддерживали предписание».

«Благодаря мудрой позиции Анатолия Васильевича Луначарского в отношении труппы спектакли возобновились уже в ноябре 1917 года, но нормальная жизнь в театре, видимо, наладилась не скоро. Во всяком случае, документы, так или иначе связанные с «Александринкой», которыми располагает ЦГАЛИ, датированы не раньше чем 1921 годом».

«А пока «Александринка» театральная жизнь не возобновилась. 30 октября 1918 года был подписан документ: «Выдано распоряжение выдано отделом театров и зрелищ комиссарата просвещения союз коммун северной области Н. Ф. Монахов о предоставлении им полномочий для «набора труппы»».

«Комиссар Мезрих Андреева послал за заведующего художественной частью». Это зарождался Большой драматический театр имени М. Горького. Сейчас кажется, что он был всегда. Да нет, вот дата — 30 октября 1918 года. Еще не театр, но уже зарождающийся театр. Начал он свои спектакли 15 февраля 1919 года.

«Новая жизнь народилась в самой бурно текущей жизни, не дожидаясь, когда же мэтры додумут мелодраму «Флавия Тессини» у Флавию Тессини была идея, которая была сложнае заботы лично по порядку но революции некогда было ждать, пока она с нами справится».

«Постановление ТЕО Наркомпроса об организации фронтового спектакля в годошину Великой Октябрьской революции».

«Предлагается в трехдневный срок со дня опубликования всем московским театрам, студиям, музыкальным и драматическим школам, циркам и т. д. выделить из своей среды артистов, которые должны бы в дни празднования годовщины Великой Октябрьской революции поехать на фронт для принятия участия в спектаклях, концертах и пр.».

«Было мобилизовано около тысячи артистов, сформировано 38 групп».

«Из инструкций для передвижных фронтовых групп: «Все артисты призывного возраста считаются военными служ-

щими и, кроме правил настоящей инструкции, должны подчиняться обязательным постановлениям общевойсковой регламентации».

«И вот еще из чуть более позднего документа: «Спектакли везут прохордять в больших успехах».

«Имеем также отзывы о достоянии, но не о достоянии удовольствия».

«Всего перислито около пяти тысяч красноречивей».

«Теперь я вам расскажу о самом, пожалуй, удивительном для меня открытии в ЦГАЛИ».

«Директор ЦГАЛИ Наталия Борисовна Волкова потратила целый день, чтобы показать мне разобраные в лавине документов. Наталия Борисовна — человек спокойный, сдержанный. Но даже она разволновалась в раскраснелась, извлекла на свет тошноту пачку».

«Вы знаете, это наше недавнее поступление, и мне кажется, оно может иметь очень интересное продолжение».

«В. Р. Комитет Московского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов 15 ноября 1917 года г. Москва. Удостоверение».

«Военно-Революционным Комитетом удостоверяется, что т. Леонтьев назначен Советом 10-ти полковых, ротных и бригадных комитетов и В-Рев. Комитетом командующим театром Московского Совета Солдатских Депутатов (Б. Аккерман), а также заведующим театральным отделом».

«Команду и завод театрального отдела т. Леонтьеву призываю оказывать всякое содействие всем организациям и скрепящему функционированию названного отдела и театров».

«И еще в пачочке приказ о назначении т. Леонтьева, подписанный командующим войсками Московского военного округа Н. Муравьевым».

«Вы обратили внимание на дату — 5 ноября 1917 года? То есть через десять дней после революции!».

«И в заключение я хотел бы привести еще один документ: «Дорогой Павел!»

«5 суток шли с Царичинского фронта на север, на зимовку. 5 суток без газет в зти дни, когда идут бои у нас под Питером, и здесь у Царичины, Орла, Киева, Воронежа».

«Сегодня получили газеты и радио. Поистине изумляешься: Литва, Англия, и энергия. Первый город России!»

«Судьба революции решается на фронте. Первый удар сделан Д. денкиными чаю в Москве пята на будут. Я видел добровольцев, которые шли на фронт (на Волге), и новую кошку, интеллигент и коммунист. Они дело решат».

«Теперь мы идем на зимовку. В ноябре приеду в отпуск. А потом снова на фронт или на командирские курсы...».

«Мой адрес теперь: Н. Новгород. Штаб Волжско-Каспийской Военной флотилии. Канонерская лодка «Вен» Коммунист. Той Волге».

«Это письмо молодого солдата революции и будущего драматурга Всеволода Вишневского. Революция выковывала новую личность».

«Я ВЫШЕЛ из ЦГАЛИ. Были уже сумерки. В мякоти осенних городских площадей шла с работы Спелочной шли с работы домой».

Э. ГРАФОВ.